

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.3.15

EDN: TCOWXX

Научная статья

Research article

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Тамбовцев Виталий Леонидович¹

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Для цитирования: Тамбовцев В. Л. Политические идеи и научный анализ // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, №3. С. 203–215. DOI 10.19181/smtp.2025.7.3.15. EDN TCOWXX.

Аннотация. Взаимодействие науки и политики не может не интересовать учёных, поскольку от политики государства зависит, каковы будут материальные возможности проводить те исследования, которые интересны учёным, а обеспечение таких возможностей государством зависит от того, отвечает ли наука на его запросы. В рамках этой широкой темы есть и более узкая проблематика – воздействие научных исследований на политические идеи, и именно её анализу посвящена эта статья. После уточнения понятий, важных для анализа, таких как *политика*, *политическая проблема* и *политическая идея*, в статье очерчиваются возможности науки по разработке новых политических идей и анализу уже реализуемых, а также критерии оценки предлагаемых результатов политиками, как уже действующими в системе власти, так и теми, кто претендует на такие позиции. Тем самым разработан и представлен вариант аналитического аппарата, который можно использовать в конкретных областях исследований для выявления возможностей продуктивного взаимодействия науки и политических идей.

Ключевые слова: политика, проблемная ситуация, проблема, политическая идея, исследование политических идей

POLITICAL IDEAS AND SCIENTIFIC ANALYSIS

Vitaly L. Tambovtsev¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For citation: Tambovtsev V. L. Political ideas and scientific analysis. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(3):203–215. (In Russ.). DOI 10.19181/smtп.2025.7.3.15.

Abstract. The interaction of science and policy cannot but interest researchers, since the material possibilities for conducting the studies that appeal to them depend on state policy, and the provision of such opportunities by the state depends on whether science meets its demands. Within the framework of this broad topic, there is also a narrower problematic – the impact of scientific research on political ideas, and this article dwells upon its analysis. After clarifying concepts important for the analysis, such as *policy*, *political problem* and *political idea*, the article outlines the possibilities of science for developing new political ideas and analyzing those already being implemented, as well as the criteria for assessing the results proposed by politicians, both those already in power and those who claim such positions. Thus, a version of the analytical apparatus has been developed and presented, which can be used in specific areas of research to identify opportunities for productive interaction between science and political ideas.

Keywords: policy, problem situation, problem, political idea, research into political ideas

Научная деятельность, как и любая другая, сопряжена с издержками. Но если, скажем, созерцание природы или размышления о смысле жизни не предполагают расходов, выходящих за рамки тех, которые покрывают «просто» поддержание нашей жизни, то занятия научными дисциплинами, особенно теми, которые мы сегодня относим к естественным, без таких дополнительных издержек уже вряд ли возможны. Ведь наука предполагает эмпирическую, в том числе экспериментальную, проверку гипотез, формулируемых в ходе «беззатратных» размышлений, а эти проверки требуют расходов материалов, усилий, времени и т. п., которые являются дополнительными к нашим обычным расходам на обеспечение своего индивидуального физического существования.

Поскольку то, что производит научная деятельность – новые знания о природе и/или обществе, – это не тот товар, который можно продать всем желающим, как, например, пирожки или кирпичи, то с появлением экспериментальной науки учёные постоянно искали внешние источники финансирования их деятельности: только древние греки и римляне, стоявшие у истоков науки, могли опираться на собственные ресурсы, получаемые ими за счёт другой, ненаучной деятельности. Такими внешними источниками выступали частные благотворители или государства, в лице своих монархов, президентов, министерств, агентств и т. п.

Ресурсы, выделявшиеся и выделяемые государством, определялись и определяются той политикой, которая в нём принята и проводится, в силу чего интерес к политике с точки зрения её изучения в области социальных наук

и с точки зрения влияния на неё с позиций естественных наук был и остаётся достаточно высоким. Наша задача в этом коротком эссе – попытаться очертить те проблемы и трудности, которые имеются в такой сфере, как анализ возможностей науки влиять на политические идеи. Ведь именно они определяют содержание различных политик, в том числе и научной политики, которая обуславливает те финансовые ресурсы, которые выделяются на нужды науки.

Изучение политических процессов, как и многих других социальных явлений, опирается зачастую на понятия, лишённые чётких и ясных определений, что по причине сложности их содержания ведёт сплошь и рядом к трудностям в научной коммуникации. Для политической науки такое положение дел тем более удивительно, что именно в её рамках были опубликованы ставшие классическими работы, посвящённые понятийному аппарату науки [1–5]. Разумеется, одно из значимых для дальнейшего изложения понятий, а именно – существенно оспариваемое понятие – было введено вне политической науки [6], но в целом пренебрежение строгостью определений для политических исследований достаточно характерно.

Поэтому первое, чем мы займёмся в нашем рассмотрении, – это постараемся ясно определить, о каких понятиях пойдёт речь далее. Первое из них – понятие политики. Особенностью русского языка является тот факт, что слово «политика» имеет в нём два разных смысла, которые не всегда можно разграничить. Прежде всего, это существительное означает деятельность индивидов по занятию властных позиций в различных сообществах – от малых групп и трудовых коллективов до государства – и их удержанию в конкуренции с другими индивидами, также стремящимися к власти. Соответственно, производные прилагательные – «политическое», «политическая» и т. д. – характеризуют различные феномены, связанные именно с такой деятельностью, хотя внешне не всегда имеющие с ней какую-то связь. Например, выбор м. н. с. некоторой лаборатории темы исследования, широко обсуждаемой в публичном поле, но далёкой от того, над чем он работал ранее, можно считать политическим действием в борьбе за вакантную должность с. н. с., хотя, конечно, можно оценивать и как совершенно естественную смену научных интересов¹.

Второй смысл существительного «политика» принадлежит к области управления различными организациями (включая государство) для обозначения *намерений* относительно будущего состояния какой-то области действий организации и *допустимых средств* достижения такого состояния². Именно оно имеется в виду, когда говорят о кадровой политике фирмы или научной политике государства, при этом внутри как фирмы, так и государства не могут не иметь места политики в первом смысле этого слова. Поскольку содержание политики во втором смысле формулируют люди, занимающие властные позиции в соответствующей области, очевидна связь между двумя смыслами слова, но очевидны также и принципиальные различия между ними: например, если

¹ Формой политической конкуренции в организациях является деятельность по оказанию влияния (influence activity) [8], а победой в этой конкуренции – карьерный рост [9].

² Заметим, что от слова «политика» в этом смысле прилагательное не возникает.

человек занимается благотворительностью в сфере здравоохранения, собирая средства для проведения дорогостоящих операций детям, семьи которых не могут оплатить их самостоятельно, т. е. реализуя политику (во втором смысле) охраны здоровья населения, это никак не означает, что он занимается политической деятельностью в первом смысле этого слова. Возникающее иногда смешение этих двух разных смыслов легко преодолеть, используя, наряду с выражениями «экономическая политика», «кадровая политика» или «бюджетная политика», также и словосочетание «политическая политика», но такое предложение, изложенное в [7], не нашло поддержки³. В нашем последующем обсуждении мы будем иметь в виду исключительно политику во *втором* смысле.

Следующее нуждающееся в строгом определении понятие – это *политическая идея*. В конце XX в. в литературе наблюдалось достаточно много способов использования выражения «политическая идея» (political idea): так, в [10] оно считалось синонимом понятий идеологии и системы убеждений, в [11] употреблялось для обозначения научных теорий, а в [12] совпадало по смыслу с понятием парадигмы. Наконец, в [13] политические идеи трактовались как элементы дискурса, рассказываемые истории. Все упомянутые характеристики затрагивали различные стороны политических идей, однако не позволяли ясно отграничить их от идеологий, научных теорий, нарративов и т. п., которые не являлись такими идеями. Безусловный сдвиг в конструктивном направлении был зафиксирован уже в наше время, когда согласно определению, данному в [14, р. 1], политические идеи было предложено трактовать как «воображаемые (imagined) решения проблем политики (policy problems)» (здесь и далее пер. наш. – В. Т.). Как легко видеть, это связывает идеи с такими важными характеристиками политик, как *решаемые проблемы* и *способы*, посредством которых их считается возможным преодолеть, т. е. с процессами принятия решений.

Что такое проблемы и как они возникают? Эта тема достаточно широко обсуждалась в 1960–1970-х гг., после появления в 1958 г. исследования А. Ньюэлла, Дж. Шоу и Г. Саймона [15], посвящённого проблеме компьютеризации процесса решения проблем человеком, – тому, что получило название «искусственный интеллект». Здесь нельзя не отметить, что, согласно [16], эта тема впервые была введена в современный научный оборот Дж. Дьюи в [17], который предложил следующую логику или последовательность этапов процесса принятия решений: (1) осознание проблемы (problem recognition), (2) сбор информации (information search), (3) оценка альтернатив (alternative evaluation), (4) выбор (choice), (5) получение результатов (outcomes). Эта схема широко используется в исследованиях менеджмента и маркетинга. Саймон и его коллеги исходили из несколько иной структуризации процесса принятия решений, выделяя в нём такие стадии, как изыскание (intelligence), проектирование (design) и выбор (choice), которая начала применяться в исследовании операций. Содержательное различие между приведёнными схемами практически отсутствует, поскольку внутри стадии изыскания выделяют такие этапы, как поиск проблем (problem searching) и их формулирование (problem formulation), так что фактически в них просто используется разная терминология для описания одного и того же процесса.

³ В английском языке эти два смысла разводятся использованием разных слов: politics – для политики в первом смысле и policy – для политики во втором смысле.

Такие формулировки отправного пункта процесса принятия решений, будь то осознание проблемы или её поиск, не вполне корректны, поскольку могут создать впечатление, что проблемы существуют *объективно*, независимо от индивидов, и потому могут быть ими выявлены (открыты) и осознаны (осмыслены). Как думается, такое представление было бы дезориентирующим и искажающим роль индивидов, формулирующих проблему⁴.

С нашей точки зрения, исходный пункт в упомянутых процессах для человека – это осознание им того, что он находится в *проблемной ситуации*, т. е. таком положении дел во внешнем и/или внутреннем мире, которое вызывает у него негативные ощущения. Сразу отметим, что одни и те же внешние ситуации могут быть для одних их участников проблемными, а для других – нет, поэтому проблемность ситуации – это её *субъективная* характеристика. Ощущение проблемной ситуации, если оно не порождает инстинктивных действий выхода из неё, таких как отдергивание руки от горячего предмета, приводит индивида к *постановке проблемы*, т. е. к некоторому описанию проблемной ситуации, которое отражает представления индивида о причинах её возникновения.

Простой пример поясняет соотношение проблемных ситуаций и проблем: так, негативные ощущения и неудовлетворённость пассажиров общественного транспорта в большом городе в часы пик – это очевидная (для них) проблемная ситуация. Однако проблему «над ней» можно поставить по-разному: можно видеть её в отсутствии достаточного количества автобусов, троллейбусов и т. п., а можно – в несоответствии расположения мест приложения труда и мест проживания людей. Типичным и массовым является первое понимание, приводящее при существующей застройке городов к вечным пробкам. Второе понимание – в виде идеи города-сада и её вариантов [21] – до недавнего времени было осуществимо только в виде строительства новых городов, где работники предприятия проживали в одном квартале, отделённом от фабрики парковой полосой. Однако в наше время автоматизации производства и опыта дистанционной работы такое понимание может стать всё в большей степени распространённым.

Поскольку постановка проблемы предполагает (явное или неявное) *знание связей* между действиями и их последствиями, разнообразие вариантов постановки проблем тем выше, чем больше знаний у индивида относительно того, какие существующие средства (системы ресурсов) способны воздействовать на свойства элементов проблемной ситуации.

В силу того, что проблема характеризует нехватку того, что могло бы, по мнению её постановщика, преодолеть проблемную ситуацию, то *цель*, фиксирующая желаемое будущее положение дел, строится как логическое отрицание проблемы, создавая основу для постановки *задач*, совокупность которых образует *программу* достижения цели. Тем самым исходное негативное ощущение трансформируется в план совокупности действий, реализация которого должна привести к исправлению изначальной ситуации.

Очерченная схема процессов принятия решений выделяет политикам как парам (намерения; средства) важную роль соединения проблем, формулируемых применительно к различным социально-экономическим подсистемам стран,

⁴ Такие представления отражены в литературе достаточно широко, см., напр., [18–20].

с решающими эти проблемы одобряемыми способами действий. Политические идеи представляют собой тем самым краткие описания (или нарративные репрезентации) указанных связей, – не обязательно тех, которые существуют или могут быть организованы в реальности, но тех, которые обуславливаются теми знаниями, которыми обладает «выдающий» эти идеи политик или исследователь: «Если в подсистеме С хочешь получить результат Р, делай Д». Эта трактовка политических идей соответствует общему их определению, приводимому А. Гарсе [14], однако несколько конкретизирует его.

Спрос на политические идеи среди политиков, действующих в конкурентных социально-экономических системах, особенно возрастает к концу электорального цикла, когда возникает необходимость в привлечении избирателей, которых могли бы заинтересовать и привлечь выдвигаемые предложения относительно преодоления тех трудностей, с которыми те сталкиваются. В этой связи возникает вопрос о том, какие идеи, и не только политические, привлекательны для тех, кто знакомится с ними. В исследованиях, посвящённых тематике распространения идей, ответ на этот вопрос часто основывается на эпидемиологической модели «заражения» [22], которая стала широко известной после её приложения к процессам диффузии инноваций [23]⁵.

Специфика использования этой модели для изучения передачи и восприятия информации состоит в том, что реципиенты политических идей, инноваций, идеологий и т. п., т. е. «заражаемые» индивиды, представляются как пассивные получатели сообщений, воспринимающих их с некоторой вероятностью, влиять на которую они не в состоянии. Тем самым фактическая логика «получил – понял – оценил – принял или отбросил», в которой выбор между «принял» и «отбросил» определяется (интуитивной или обдуманной) оценкой, замещается модельной логикой «принял с вероятностью Р». Формально такая замена достаточно точно моделирует фактическую логику: ведь в последней результат – принятие информации как «руководства к действию» – также связан с отправляемым сообщением некоторой вероятностью его получения, однако эта вероятность в реальности эндогенна, тогда как в модели экзогенна. Это отличие важно: ведь индивид может не просто забыть прочитанное или услышанное, но и выступить с его критикой и отрицанием, начав передавать свои контрутверждения, демонстрируя неправильность или вредоносность полученного сообщения.

В этой связи продуктивнее анализировать распространение политических идей на микроуровне, где фигурируют не безликие сообщества, с той или иной вероятностью воспринимающие тексты, с содержанием которых они априори согласны в случае их получения, а конкретные индивиды со своими желаниями, намерениями, знаниями и ресурсными возможностями, ведь именно такие особенности поведения индивидов подчёркиваются как теоретически [25], так и эмпирическими исследованиями [26]. Относительно принятия или непринятия той или иной политики полученные данные говорят о ясном влиянии на это воспринимаемой индивидом её действенности и полезности для него [27; 28]. Эти выводы полностью укладываются в общую модель

⁵ Более подробно вопросы оценки, принятия и реализации идей под экономическим углом зрения проанализированы в [24].

принятия технологий, в которой в состав факторов, влияющих на принятие положительного решения, включаются ожидаемые результативность и усилия по внедрению, разделяемые субъективные нормы и культурные ценности [29; 30], а также локус контроля [31].

Прежде чем перейти к основной (и завершающей) теме этого эссе – обсуждению связи между наукой и политическими идеями, остановимся на одном типе проблем, получающем в последние годы всё большее значение в различных политиках. Речь идёт о так называемых «диких»⁶ (wicked) проблемах, концепция которых была введена в исследовательский оборот более полувека назад: «В отличие от проблем в естественных науках, которые определимы (definable) и делимы (separable) и могут иметь легко находимое (findable) решение, проблемы государственного планирования, и особенно социального и политического планирования плохо определены и опираются на уклончивые политические суждения для своего разрешения (resolution). (Не “решения”). Социальные проблемы никогда не решаются. В лучшем случае они могут только частично разрешаться (re-solved), – снова и снова» [32, p. 160]. Тем самым, «дикие» проблемы фактически не имеют научного решения, поскольку хотя бы для одного из участников исходной проблемной ситуации приемлемой оказывается положение дел, неприемлемое для остальных её акторов, например, прекращение существования одного из них. Поэтому типичное научное решение подобных конфликтов – выплата компенсаций одним участникам конфликта за счёт других или от третьей стороны – не удовлетворит того, для которого единственно приемлемым решением оказывается ликвидация одного из других участников ситуации.

Литература, посвящённая данной теме, обширна, включая монографии [33], обзорные статьи [34; 35] и концептуальную критику [36; 37], а также предложения по нахождению решений таких проблем [38], что выводит её обсуждение за пределы данного эссе. Мы затронули концепцию «диких» проблем только для того, чтобы подчеркнуть важность разграничения проблемных ситуаций, существующих объективно, хотя и создаваемых зачастую человеческой деятельностью, и проблем, которые являются всецело субъективными, поскольку суть варианты восприятия индивидами проблемных ситуаций. Существующая неоднозначность понимания обсуждённых понятий свидетельствует, что их можно считать существенно оспариваемыми [6], хотя это не всегда осознаётся.

Важно подчеркнуть, что научно неразрешимые «дикие» проблемы – это творение одного или нескольких из участников ситуации, оказывающейся часто проблемной только вследствие того мировосприятия или идеологии, которая возникла (или была «внедрена») у одного из акторов. Отсюда следует, что действенным средством стратегического преодоления возникновения (и тем самым – превентивного решения) «диких» проблем является развитие *научного гуманистического образования*, содействующего распространения идеологий, препятствующих «дикому» восприятию ситуаций человеческого взаимодействия.

⁶ Х. Риттель и М. Вебер своей статье [32] противопоставляют такие проблемы другим – “tame problems”. Поскольку “tame” означает «одомашненная», то его антоним естественно переводить как «дикая».

Проведённое обсуждение понятий, являющихся основными в анализируемой тематике, позволяет перейти непосредственно к ней. Сразу следует отметить, что взаимодействию науки и политики, включая политические идеи, посвящено большое число исследований, в силу чего оно рассматривается под разными углами зрения, прежде всего – с точки зрения роли политической науки в политической политике [39–41]. Внимание исследователей не могло не коснуться общей темы передачи научных знаний в политические процессы [42–44], включая выявление факторов, позитивно влияющих на неё [45–47]. Все эти моменты особенно активно обсуждаются в связи с концепцией доказательной политики (evidence-based policy) [48–51]. Воздействие научных исследований на политики, проводимые государствами в сферах жизнедеятельности стран, различно для несовпадающих сфер, поскольку зависит от характера тех проблем, которые формируются политиками в различных проблемных ситуациях, и динамики адекватных научных исследований. Так, оно очевидно велико в области здравоохранения, где как развитие знаний о человеческом организме, так и технологий создания новых лечебных средств ощутимо влияют на постановку и реализацию намерений [52–54].

В других политиках, например, экономической, влияние науки не столь ощутимо, что можно воспринимать как некоторый парадокс. Ведь, с одной стороны, как отметил в своё время Дж. М. Кейнс, «идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» [55, с. 340]. С другой стороны, как показывают исследования Б. Фрея [56; 57], эмпирические свидетельства такого влияния обнаружить весьма затруднительно. С третьей, так сказать, стороны, эмпирически показано, что неспециалисты в области экономической теории часто опираются на наивную (или народную), экономическую теорию (folk economics), положения которой решительно отличаются от научных [58; 59], выступая тем не менее иногда основанием для принятия решений политиками [60].

В рамках задачи данного эссе, опираясь на проведённое обсуждение ряда понятий, какие выводы можно сделать относительно воздействия науки на политические идеи? Другими словами, что может сказать и сделать наука в политической сфере и чего от неё хотят политики?

Как представляется, наука, осуществляя свойственные ей способы действий, может:

- обнаруживая новые связи между доступными ресурсами и способами их соединения с одной стороны и последствиями их применения с точки зрения решения поставленных проблем с другой стороны, разрабатывать основания новых политических идей;
- разрабатывать новые, более действенные способы (технологии) реализации принятых к исполнению политических идей;
- оценивать последствия реализации принятых к исполнению политических идей, опирающихся на определённые способы действий.

Важно подчеркнуть, что результаты первого варианта действий оцениваются при этом не только учёными, но, что не менее важно, политиками как потенциальными «потребителями» научной «продукции». В странах, где политические процессы имеют конкурентный характер, политики-инкумбенты всегда рассматривают советы и рекомендации учёных с двух разных сторон: (1) как проведение рекомендуемых мер (действий) скажется на его положении в межпартийной и внутрипартийной борьбе и (2) как оно скажется на проблемной ситуации, отражаемой в проводимой политике через решение некоторой проблемы. Для политиков-претендентов основным является взгляд на предлагаемую идею с точки зрения её принятия его потенциальным электоратом.

Для политиков-инкумбентов выбор того, по какому из вариантов критериев действенности оценивать и выбирать предлагаемые идеи, определяется многими факторами, значение которых может ощутимо варьировать в зависимости от ситуации, в которой политику нужно принимать решение, поэтому обосновать выбор в целом вряд ли возможно. Для политиков-претендентов такого выбора нет, новые идеи оцениваются ими прежде всего с позиций их одобрения потенциальными сторонниками.

Восприятие результатов научных исследований второго направления для инкумбентов всегда в принципе положительное, поскольку они позволят быстрее и/или действеннее решить проблему, обозначенную ими в политике.

Что же касается третьего направления научного анализа, то в нём инкумбенты хотят от науки в первую очередь публичного доказательства того, что принятая и реализуемая политическая идея результативна и эффективна. Для политиков-претендентов интерес могут представлять выводы исследований, показывающие низкую действенность или эффективность проводимых в жизнь политических идей. Тем самым в рамках этого направления вполне возможно возникновение феномена, известного как *политизация науки* [61; 62].

Таким образом, для исследователей, работающих в самых разных отраслях науки, при возникновении соответствующего интереса, имеется достаточное разнообразие подходов к изучению существующих политических идей и разработке предложений по расширению их круга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American Political Science Review*. 1970;64(4):1033–1053. DOI 10.2307/1958356.
2. Sartori G., ed. *Social science concepts: A systematic analysis*. Beverly Hills, CA ; London ; New Delhi : Sage Publications; 1984. 455 p. ISBN 0-8039-2177-2.
3. Gerring J. What makes a concept good? A criterial framework for understanding concept formation in the social sciences. *Polity*. 1999;31(3):357–393. DOI 10.2307/3235246. EDN GZLPVL.
4. Collier D., Hidalgo F. D., Maciuceanu A. O. Essentially contested concepts: Debates and applications. *Journal of Political Ideologies*. 2006;11(3):211–246. DOI 10.1080/13569310600923782.
5. Rittel H. W. J., Webber M. M. Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*. 1973;4(2):155–169. DOI 10.1007/BF01405730.
6. Gallie W. B. Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956;56(1):167–198. DOI 10.1093/aristotelian/56.1.167.

7. *Tambovtsev V. L.* On political policy [O politicheskoy politike]. In: *Zaostrovtsev A. P.*, ed. Economic theory and political science: Disregard, competition, or cooperation? [Ekonomicheskaya teoriya i politologiya: ignorirovaniye, konkurenciya ili sotrudnichestvo?]: Proceedings of the anniversary 15th annual conference from the cycle “Leontief Readings”. St. Petersburg : International Centre for Social and Economic Research “Leontief Centre”; 2016. P. 61–72. (In Russ.). EDN XVKRPV.
8. Milgrom P., Roberts J. An economic approach to influence activities in organizations. *American Journal of Sociology*. 1988;94(1S):S154–S179.
9. Chay Y.-W., Aryee S. Potential moderating influence of career growth opportunities on careerist orientation and work attitudes: Evidence of the protean career era in Singapore. *Journal of Organizational Behavior*. 1999;20(5):613–623. DOI 10.1002/(SICI)1099-1379(199909)20:5<613::AID-JOB979>3.0.CO;2-A.
10. Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C., eds. *Policy change and learning: An advocacy coalition approach*. Boulder, CO : Westview Press; 1993. xii, 290 p. ISBN 0-8133-1648-0.
11. Hall P. A., ed. The political power of economic ideas: Keynesianism across nations. Princeton, NJ : Princeton University Press; 1989. vi, 406 p. ISBN 0-691-07799-1.
12. Hall P. A. Policy paradigms, social learning, and the state: The case of economic policymaking in Britain. *Comparative Politics*. 1993;25(3):275–296. DOI 10.2307/422246.
13. Fisher F., Forester J., eds. The argumentative turn in policy analysis and planning. Durham ; London : Duke University Press; 1993. viii, 327 p. ISBN 0-8223-1354-5.
14. Garcé A. Policy ideas. In: van Gerven M., Rothmayr Allison C., Schubert K., eds. Encyclopedia of public policy. Cham : Springer; 2024. P. 1–6. DOI 10.1007/978-3-030-90434-0_84-1.
15. Newell A., Shaw J. C., Simon H. A. Elements of a theory of human problem solving. *Psychological Review*. 1958;65(3):151–166. DOI 10.1037/h0048495.
16. Bruner G. C., Pomazal R. J. Problem recognition: The crucial first stage of the consumer decision process. *Journal of Services Marketing*. 1988;2(3):43–53. DOI 10.1108/eb024733.
17. Dewey J. How we think. Boston ; New York ; Chicago : D. C. Heath & Co Publishers; 1910. vi, 228 p.
18. Runco M. A., Chand I. Problem finding, evaluative thinking, and creativity. In: Runco M. A., ed. Problem finding, problem solving, and creativity. Norwood, NJ : Ablex Publishing Corporation; 1994. P. 40–76.
19. Hill C. J. The nature of problem recognition and search in the extended health care decision. *Journal of Services Marketing*. 2001;15(6):454–479. DOI 10.1108/EUM0000000006100.
20. Abdulla A. M., Cramond B. The creative problem finding hierarchy: A suggested model for understanding problem finding. *Creativity: Theories – Research – Applications*. 2018;5(2):197–229. DOI 10.1515/ctra-2018-0019.
21. Tkachenko S. B. Moscow – unrealised garden city in “New Moscow” plan. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2019;(2):232–250. (In Russ.). EDN KQVEUA.
22. Kermack W. O., McKendrick A. G. A contribution to the mathematical theory of epidemics. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A*. 1927;115(772):700–721.
23. Rogers E. M. Diffusion of innovations. 4th ed. New York : Free Press; 1995. xvii, 519 p. ISBN 0-0287-4074-2.
24. Tambovtsev V. L. Ideas, narratives and economic change. *Terra Economicus*. 2019;17(1):24–40. (In Russ.). DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-1-24-40. EDN VZIFTR.
25. Schroeder T. Desire: Philosophical issues. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 2010;1(3):363–370. DOI 10.1002/wcs.3.
26. Fried I., Haggard P., He B. J., Schurger A. Volition and action in the human brain: Processes, pathologies, and reasons. *Journal of Neuroscience*. 2017;37(45):10842–10847. DOI 10.1523/JNEUROSCI.2584-17.2017.

27. Braun D., Gilardi F. Taking ‘Galton’s problem’ seriously: Towards a theory of policy diffusion. *Journal of Theoretical Politics*. 2006;18(3):298–322. DOI 10.1177/0951629806064351.
28. Nicholson-Crotty S., Carley S. Effectiveness, implementation, and policy diffusion: Or “Can we make that work for us?” *State Politics & Policy Quarterly*. 2015;16(1):78–97. DOI 10.1177/1532440015588764.
29. Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D. User acceptance of information technology: Toward a unified view. *MIS Quarterly*. 2003;27(3):425–478. DOI 10.2307/30036540.
30. Marangunić N., Granić A. Technology acceptance model: A literature review from 1986 to 2013. *Universal Access in the Information Society*. 2015;14(1):81–95. DOI 10.1007/s10209-014-0348-1.
31. Taffesse A. S., Tadesse F. Pathways less explored – locus of control and technology adoption. *Journal of African Economies*. 2017;26(suppl_1):i36–i72. DOI 10.1093/jae/ejx013.
32. Rittel H. W. J., Webber M. M. Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*. 1973;4(2):155–169. DOI 10.1007/BF01405730.
33. Head B. W. *Wicked problems in public policy: Understanding and responding to complex challenges*. Cham : Palgrave Macmillan; 2022. vii, 176 p. ISBN 978-3-030-94579-4. DOI 10.1007/978-3-030-94580-0.
34. Head B. W. Forty years of wicked problems literature: Forging closer links to policy studies. *Policy and Society*. 2019;38(2):180–197. DOI 10.1080/14494035.2018.1488797.
35. Lönngren J., van Poeck K. Wicked problems: A mapping review of the literature. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. 2021;28(6):481–502. DOI 10.1080/13504509.2020.1859415.
36. Turnbull N., Hoppe R. Problematizing ‘wickedness’: A critique of the wicked problems concept, from philosophy to practice. *Policy and Society*. 2019;38(2):315–337. DOI 10.1080/14494035.2018.1488796.
37. Peters B. G. What is so wicked about wicked problems? A conceptual analysis and a research program. *Policy and Society*. 2017;36(3):385–396. DOI 10.1080/14494035.2017.1361633.
38. Pretorius C. Exploring procedural decision support systems for wicked problem resolution. *South African Computer Journal*. 2017;29(1):191–219. DOI 10.18489/sacj.v29i1.448.
39. Finlayson A. Political science, political ideas and rhetoric. *Economy and Society*. 2004;33(4):528–549. DOI 10.1080/0308514042000285279.
40. Prewitt K. Political ideas and a political science for policy. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2005;600(1):14–29. DOI 10.1177/0002716205276660.
41. Eulriet I. Analysing political ideas and political action. *Economy and Society*. 2008;37(1):135–150. DOI 10.1080/03085140701760916.
42. Dobbins M., Rosenbaum P. L., Plews N., Law M., Fysh A. Information transfer: What do decision makers want and need from researchers? *Implementation Science*. 2007;2(1):20. DOI 10.1186/1748-5908-2-20.
43. Edler J., Karaulova M., Barker K. Understanding conceptual impact of scientific knowledge on policy: The role of policymaking conditions. *Minerva*. 2022;60(2):209–233. DOI 10.1007/s11024-022-09459-8.
44. Cao Z., Zhang L., Huang Y., Sivertsen G. How does scientific research influence policymaking? A study of four types of citation pathways between research articles and AI policy documents. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2025, forthcoming. DOI 10.1002/asi.25006.
45. Moore G., Redman S., Haines M., Todd A. L. What works to increase the use of research in population health policy and programmes: A review. *Evidence & Policy: A Journal of Research, Debate and Practice*. 2011;7(3):277–305. DOI 10.1332/174426411X579199.

46. Dagenais C., Laurendeau M.-C., Briand-Lamarche M. Knowledge brokering in public health: A critical analysis of the results of a qualitative evaluation. *Evaluation and Program Planning*. 2015;53:10–17. DOI 10.1016/j.evalprogplan.2015.07.003.
47. White J., Grant K., Sarkies M., Haines T., Evidence Translation in Allied Health (EviTAH) Group. Translating evidence into practice: A longitudinal qualitative exploration of allied health decision-making. *Health Research Policy and Systems*. 2021;19:38. DOI 10.1186/s12961-020-00662-1.
48. Nutley S. M., Walter I., Davies H. T. O. Using evidence: How research can inform public services. Bristol : Policy Press; 2007. xii, 363 p. ISBN 978-1-847-42232-3. DOI 10.56687/9781847422323.
49. Cairney P. The politics of evidence-based policy making. London : Palgrave Macmillan; 2016. xv, 137 p. ISBN 978-1-137-51780-7. DOI 10.1057/978-1-137-51781-4.
50. Kelstrup J. D., Jørgensen J. V. Explaining differences in research utilization in evidence-based government ministries. *Policy Sciences*. 2024;57(2):257–280. DOI 10.1007/s11077-024-09529-6.
51. Jørgensen J. V. Knowledge Utilisation Analysis: Measuring the utilisation of knowledge sources in policy decisions. *Evidence & Policy*. 2024;20(2):205–225. DOI 10.1332/174426421X16917585658729.
52. White K. L., Murnaghan J. H. Health care policy formation: Analysis, information and research. *International Journal of Health Services*. 1973;3(1):81–91. DOI 10.2190/P39K-XH92-EUVF-9VFK.
53. Orosz E. The impact of social science research on health policy. *Social Science & Medicine*. 1994;39(9):1287–1293. DOI 10.1016/0277-9536(94)90360-3.
54. Fafard P., Cassola A., de Leeuw E., eds. Integrating science and politics for public health. Cham : Palgrave Macmillan; 2022. xviii, 345 p. ISBN 978-3-030-98984-2. DOI 10.1007/978-3-030-98985-9.
55. Keynes J. M. The general theory of employment, interest and money. Moscow : Eksmo; 2007. 957, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-20989-7. EDN QSKYFV.
56. Frey B. S. Does economics have an effect? Towards an economics of economics. *Perspektiven der Wirtschaftspolitik*. 2000;1(1):5–33.
57. Frey B. S. How influential is economics? *De Economist*. 2006;154(2):295–311. DOI 10.1007/s10645-006-9005-2.
58. Rubin P. H. Folk economics. *Southern Economic Journal*. 2003;70(1):157–171. DOI 10.2307/1061637.
59. Różycka-Tran J., Boski P., Wojciszke B. Belief in a Zero-Sum Game as a social axiom: A 37-nation study. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015;46(4):525–548. DOI 10.1177/0022022115572226.
60. Swedberg R. Folk economics and its role in Trump’s presidential campaign: An exploratory study. *Theory and Society*. 2018;47(1):1–36. DOI 10.1007/s11186-018-9308-8.
61. Hellström T., Jacob M. Scientification of politics or politicization of science? Traditionalist science-policy discourse and its quarrels with Mode 2 epistemology. *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 2000;14(1):69–77. DOI 10.1080/02691720050199315.
62. Bolsen T., Druckman J. N. Counteracting the politicization of science. *Journal of Communication*. 2015;65(5):745–769. DOI 10.1111/jcom.12171.

Поступила в редакцию / Received 25.06.2025.
 Одобрена после рецензирования / Revised 08.07.2025.
 Принята к публикации / Accepted 22.08.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Тамбовцев Виталий Леонидович** *vitalytambovtsev@gmail.com*

Доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
SPIN-код: 5938-6806

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Vitaly L. Tambovtsev** *vitalytambovtsev@gmail.com*

Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0667-3391
Scopus Author ID: 54883142300
Web of Science ResearcherID: U-4980-2017